

Янина.А

НЕЧИСТЬ
ИЗ
БАБУШКИНЫХ
СКАЗОК

Янина Оришеч

Нечисть из Бабушкиных сказок

«Автор»

2026

Оришеч Я. Я.

Нечисть из Бабушкиных сказок / Я. Я. Оришеч — «Автор», 2026

Старые сказки, которыми бабушка пугала в детстве, оказались вовсе не выдумкой. В глубине забытых деревень и непроходимых лесов всё ещё живут те, о ком давно предпочитают не вспоминать: затаившиеся в камышах мавки, своеправные лешие и нечисть, жаждущая людских душ. Когда грань между бытом и древними суевериями рушится, герои столкнутся лицом к лицу со страхами из собственного прошлого. Смогут ли они выжить там, где древние придания обретают плоть и жаждут крови?

© Оришеч Я. Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Воспоминание	6
Глава вторая	13
Тайна	13
Г	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Янина Оришеч

Нечисть из Бабушкиных сказок

Пролог

Нас всех в детстве учили простым правилам: не свисти в доме — проклянешь беду; не смотришь в треснувшее стекло; не ходи в одиночку к ночной реке и не забывай ставить на стол угощение для того, кто живёт под полом. Мы выросли, посмеиваясь над старыми суевериями, и были свято уверены: всё это — лишь бабушкины байки, чтобы уложить нас спать пораньше. Но что, если эти байки писались кровью? Пока вы пьёте утренний кофе, строите планы на будущее, они никуда не исчезают. Они остаются совсем рядом: в тени за шкафом, в шорохе ночных ветвей за окном, в туманной низине на краю дороги. Вы ведь и сами чувствовали это, правда? Тот самый случайный холодок между лопаток. Едва заметный силуэт, скользнувший краем глаза в пустом коридоре. Пристальный, тяжёлый взгляд в темноте, от которого перехватывает дыхание. Эта история утянет вас туда, откуда нет лёгкого пути назад, — в самый глухой сумрак древнего леса.

Садитесь поудобнее и помните: эти страницы — не выдумка. Это мир, от которого мы закрыли глаза, но который никогда не закрывал их на нас.

Глава первая

Воспоминание

Набитый до отказа рюкзак никак не хотел закрываться. Я со вздохом присела на него сверху, с силой потянула молнию и на мгновение замерла, сдувая со лба выбившуюся прядку. Из коридора доносился привычный утренний шум: отцовский кашель, звяканье ложки о чашку и торопливые шаги мамы.

— Тась, ну ты скоро там? — мама заглянула в комнату, на ходу поправляя причёску и критически осматривая гору вещей на кровати. — Автобус через сорок минут. Отец уже нервничает, что в пробки встанем.

— Да иду я, иду, — прокряхтела я, всё-таки победив молнию на рюкзаке.

— Мам, а почему еду именно сейчас, за столько времени? Там же деревенская глушь, даже связи толком нет.

Мама мягко улыбнулась, немного замешкавшись, подошла ближе и тепло обняла меня за плечи:

— Тебе полезно разгрузить голову перед учёбой. Свежий воздух, парное молоко, речка и твои друзья. К тому же бабушка уже все уши прожужжала, как она по тебе скучает. Ей одной в большом доме тоже тяжело, поможешь по хозяйству, ягоды соберёте. Да и в целом обстановку сменишь.

Из прихожей донёсся громкий голос отца:

— Девочки, вы там до вечера собираться будете?! Если опоздаем на рейсовый, придётся до района на попутках добираться!

— Идём, Паш! — отозвалась мама и, повернувшись ко мне, сказала:

— Давай, подхватывай сумку. Отдохнёшь от городской суеты. Всё лучше, чем всё лето в четырёх стенах у компьютера сидеть.

Я ещё раз окинула взглядом свою светлую, уютную комнату и пошла за мамой в коридор. Мне казалось, меня ждут самые обыкновенные, немного скучные каникулы в глубинке — с чаем на веранде, походами за грибами и уютными вечерами. Осторожно закрыла дверь комнаты и пошла вслед за родителями, абсолютно не подозревая, что эти «скучные» каникулы на природе перевернут всю мою жизнь.

Когда мы доехали до автовокзала, на перроне стоял привычный шум: шипение тормозов, объявления из громкоговорителей и торопливый стук колёсиков от чемоданов. Старый синий автобус до деревни уже урчал мотором, пуская из выхлопной трубы сизый дым.

— Так, рюкзак водитель убрал в багажник, пакет с гостинцами у тебя в руках, — суетливо повторяла мама, в сотый раз проверяя, всё ли они учли. Она поправила Тасе капюшон толстовки и ласково сжала её ладони:

— Бабушке передай, чтобы не перегружала себя на огороде!

— Мам, ну я же не на край света уезжаю, — с улыбкой ответила я, хотя в груди неожиданно заскреблась лёгкая тоска.

Отец подошёл ближе, крепко обнял её за плечи и взъерошил волосы:

— Давай, дочка, набирайся сил, дыши свежим воздухом и не скучай.

Водитель громко хлопнул дверью и объявил посадку.

— Ну всё, мне пора, — по очереди обняла родителей, ощущая тепло их рук.

— Звони, как только доберёшься! — крикнула мама, когда я уже поднималась по высоким ступеням в салон.

Я прошла к своему месту у окна, махая родителям сквозь немного пыльное стекло. Автобус медленно дрогнул и плавно тронулся с места, оставляя позади шумный город, суету и привычную жизнь. Прижав подбородок к ладони, я стала разглядывать уплывающий перрон.

Поездка длилась почти четыре часа. А после рейсовый автобус оставил меня на пыльной обочине и уехал. Я прошлась по знакомой улице, тяня за собой тяжёлый рюкзак, и остановилась у старенького покосившегося голубого забора.

Подойдя к крыльцу, на мгновение замерла. Из-за двери пахло сушёным чабрецом, свежим хлебом и старой древесиной — теми самыми запахами из глубокого детства. Я нерешительно постучала в слабенькую деревянную дверь.

За дверью послышалась суета, зазвенели ключи, и створка со скрипом отворилась.

— Внученька моя! — ахнула бабушка и сразу же горячо, крепко заключила меня в объятия.

— А вот и я! — улыбнулась я, с облегчением уткнувшись носом в её тёплую шаль и продолжая обнимать её в ответ.

Когда я чуть отстранилась и стала разглядывать бабушкино лицо, сердце тихо сжалось. Как сильно она изменилась за то время, что мы не виделись. Бабушку Веру я не видела уже несколько лет: паутинка глубоких морщинок вокруг глаз стала гуще, седина полностью покрыла волосы, а сама она казалась чуть меньше и хрупче, чем в моих детских воспоминаниях. Но её взгляд оставался всё таким же искренним и родным.

— Ну чего стоишь на пороге? Заходи, заходи скорей! — стала настырно звать меня бабушка Вера, подхватывая мой рюкзак и приглашая в дом.

— С дороги небось устала, весь путь в этом автобусе!

Переступив порог, тяжёлая дверь за моей спиной закрылась. Я медленно осмотрелась по сторонам. В доме всё оставалось точно таким же, каким я помнила его маленькой девочкой, только времени вокруг будто стало больше. В центре кухни возвышалась огромная, выбеленная известью русская печь. Из её глубины тянуло сухим, приятным жаром, а на чугунной плите тихо поблёскивал старый пузатый чайник, отходя мелким паром. На окнах висели белоснежные кружевные занавески. А на полу узорами тянулись разноцветные половики. В углу под иконой тихо тикали старинные ходики с тяжёлым гиревым маятником, намеряя неспешный деревенский ритм. В воздухе витал густой, душевный аромат: смесь топлёного молока, печной гари и пирожков. На массивном дубовом столе уже стояла глубокая миска с ещё горячими пирожками, накрытая льняным полотенцем.

— Ну вот и дома, — тихо прошептала я про себя, чувствуя, как городская суета окончательно растворяется в этом неторопливом, глубоком покое. Бабушка всю хлопотала рядом со мной, стараясь во всём угодить.

— Проходи, Тасенька, разувайся! — суетилась бабушка Вера, забирая из моих рук рюкзак и аккуратно приставляя его к лавке.

— С дороги-то отдохнуть надо. Я вот только-только пирогов с брусничкой напекла, чайник заварила.

Я прошла к столу, провела пальцами по гладкой, отполированной годами деревянной столешнице и опустилась на резную табуретку. В доме было так тихо, что слышалось лишь потрескивание остывающих углей в печи да мерное тиканье часов.

— Держи, милая, — бабушка поставила передо мной большую глиняную кружку, от которой поднимался пар с ароматом душицы и мяты, и пододвинула миску с пирожками.

— Спасибо, ба, — улыбнулась я, с удовольствием вдыхая знакомый с детства запах и делая глоток.

— У вас тут время будто совсем остановилось. Всё то же самое, как и пять лет назад.

— Оно и к лучшему, Тасенька, — тихо ответила бабушка, садясь напротив и подпирая щёку ладонью. Она смотрела на меня с такой бесконечной теплотой, но где-то в глубине её глаз промелькнула едва уловимая, непонятная мне тень.

— В нашем краю перемены редко к добру приводят...

Я откусила край ещё горячего пирожка и задумчиво посмотрела в окно.

— Бабуль, спасибо! Всё очень вкусно, — я вытерла губы салфеткой и, поднимаясь из-за стола, на ходу подхватила с лавки джинсовую куртку.

— Я пойду к ребятам схожу, прогуляюсь! Может, хоть они тут изменились за эти годы, — с усмешкой ответила я и вышла на крыльцо.

Перед глазами открылась знакомая картина. Во дворе весело играли ребята, а их звонкий смех разносился по всей деревне, наполняя улицу беззаботностью. Сердце приятно сжалось от долгой разлуки. Первым, кого я узнала, был Толя. За эти годы он превратился в настоящего богатыря: высоченный, плечистый, с широкой добродушной улыбкой. На нём была слегка растянутая рубашка в клетку с засученными рукавами, а из-под густой тёмной чёлки смотрели тёплые, смеющиеся карие глаза. От Толи всегда веяло надёжностью и спокойствием — такой деревенский добряк, готовый в любой момент подставить крепкое плечо. Рядом с ним на перилах беседки балагурил Миша. Полная противоположность Толе — худой, юркий, словно натянутая струна. Его суетливые движения и светлые вихры выдавали в нём непоседу и главного местного заводилу. В руках у него, как и пять лет назад, была старая гитара, а на лице играла хитрая, дерзкая ухмылка. Похоже, с возрастом его тяга к авантюрам и проказам никуда не исчезла. Чуть отдалённо, на скамейке, о чём-то шептались девчонки. Даша — сдержанная, с длинной тёмной косой ниже пояса, аккуратно уложенной через плечо. В её внимательном взгляде серо-зелёных глаз читалась недетская мудрость и рассудительность. Она всегда была голосом разума в нашей компании, и сейчас её аккуратный, опрятный образ лишь подчёркивал эту взрослую серьёзность. И, наконец, Маша — яркая, словно вспышка, хохотушка с россыпью золотистых веснушек по всему носу и щекам. Её рыжеватые кудряшки хаотично выбивались из небрежного пучка, а сама она не могла просидеть спокойно и секунды, активно жестикулируя тоненькими руками и тонко смеясь над очередными байками Толи.

— Эй, народ! — крикнула я, ускоряя шаг.

— Таська! Таська приехала! — наперебой закричали ребята.

К ним навстречу летела так, что только пятки сверкали. Мы сжались в одном общем крепком объятии и стояли так пару минут, никак не способные отпустить друг друга.

— Привет, ребята! — радостно сказала я, ещё не переведя дыхание после бега.

— Ну что, городская, а как похорошела-то, как изменилась! — искренне восхитился Толя.

Девчонки улыбались, с любопытством рассматривая мою стильную городскую одежду.

— Да я смотрю, вы тоже времени не теряли! Парни-то как возмужали, а девчонки — просто красавицы!

Машка по старой привычке взъерошила мне чёлку.

— Эй, ну ты чего! Причёску же испортишь!

— Ой, да ладно тебе, привыкай! Ты теперь на целых три месяца деревенская!

— Ну как там город? — с интересом спросил Миша.

— Живёт, времени не теряет. Все куда-то спешат, всё время куда-то торопятся. Я вот школу на отлично закончила.

— Ну ты всегда зубрилой была, — усмехнулась Даша.

— А вы-то как? — спросила я, окинув ребят взглядом. — Смотрю, здесь ничего не поменялось. Те же тропы, те же люди.

Ребята переглянулись и немного замялись.

— Ну да... — нервно улыбнулась Маша.

На несколько секунд повисла неловкая тишина. Мы снова заговорили все разом, перебивая друг друга, смеясь и пытаясь рассказать обо всём, что произошло за эти годы. Казалось, времени и слов нам не хватит, чтобы наверстать всё упущенное. Но тут нас перебил голос бабушки:

— Тася, домой!

— Ребят, мне надо домой забежать. Переоденусь хоть во что-то более подходящее, — с усмешкой сказала я. — Давайте встретимся на нашем старом месте в семь?

Ребята дружно кивнули и рванули вперёд. Тем временем я неспешно побрела обратно к дому. Воздух был пропитан сладким ароматом свежескошенной травы. Где-то вдалеке слышались кудахтанье кур, фыркание лошадей и лай собак. А на душе становилось удивительно беззаботно и спокойно. Как же жаль, что нам когда-то пришлось отсюда уехать. Родители так и не дали мне внятного ответа, лишь отмахнулись: мол, деревенская жизнь — это не наше. Но я-то отлично помнила тот день. Мы уезжали так, будто за нами гналась невидимая погоня: в спешке бросали вещи в сумки, на ходу покупали первые попавшиеся билеты. Для меня это так и осталось неразгаданной тайной: что же заставило нас сбежать тогда? От моих мыслей меня перебил голос бабушки:

— Ну что, внуча, оглядела окрестности? — тепло улыбнулась бабушка.

— Да! Всё такое родное. Прямо как в детстве.

— Это точно, — вздохнула она. — Деревню никакой, даже самый красивый город не заменит.

— Кстати, о деревне, бабуль, пока я шла, всё думала... А почему в тот день, когда мы уезжали отсюда, мы летели быстрее пули? Что тогда вообще случилось?

Бабушка заметно замешкалась, явно не ожидая такого вопроса.

— Ну... внуча, родителей ты своих знаешь. Они ведь всегда рвались в город. А тут как раз работа подходящая подросла, вот и...

Она вдруг запнулась и замолкла, будто на секунду наяву перенеслась в тот далёкий день.

— Бабуль, а дальше-то что? — поторопила я её.

— А? Да ну... работу предложили, вот и рванули, — невпопад буркнула бабушка и тут же перевела тему:

— Пошли в дом лучше, а то еда совсем остынет. В доме стоял восхитительный аромат наваристого борща и едва сладковатый запах свежеспечённых ватрушек. На пороге, об мою ногу, сразу стал тереться пушистый Мурзик. Погладив кота, я уселась за стол и стала разглядывать старинные картины и иконы, висевшие над печью. На окнах красовались вышитые занавески, а мой взгляд то и дело возвращался к бабушке, хлопотавшей на кухне, то вновь скользил по старой деревянной мебели, хранившей в себе дух прошлых поколений. Бабушка присела напротив. Довольно улыбалась, наблюдая, с какой охоткой и аппетитом я ем ватрушки.

— Как же ты повзрослела, моя девочка... — бабушка с нескрываемым интересом и теплотой разглядывала меня через стол.

— Да, прошло много лет, бабуль, — улыбнулась и, почувствовав, как с этого момента всё поменялось.

— И чем же ты там, в своём городе, занимаешься?

— Гуляю, школу вот закончила... Сейчас хочу в институт поступать, в художественный. Бабушка тихо ухнула.

— А в детстве-то ты медсестрой стать хотела!

Я лишь пожала плечами и с особым аппетитом продолжила уплетать её пышные, ещё горячие ватрушки.

Мы с бабушкой с искренним удовольствием обсуждали былые дни, перебирая в памяти и с интересом распутывая смешные, давно забытые детские моменты. Как мой взгляд невольно

остановился на старинных часах, потемневших от времени. На мгновение я замерла, а затем с удивлением воскликнула:

— Ой, мне же бежать уже пора! Мы с ребятами договорились встретиться, хотим прогуляться.

— Хорошо, — вздохнула бабушка.

— Только у нас с тобой будет уговор.

Я, одновременно дожёвывая ватрушку и пытаюсь обуться в тесноватом коридорчике, буркнула:

— М-м?

— Домой нужно прийти до того, как зайдёт солнце. И главное — ни в коем случае не оставайся в это время у речушки.

— Ой, ба-а, мне же не пять лет!

— Я уже, как-никак, взрослая девушка, могу и до поздно задержаться.

Но бабушка ответила тревожным голосом:

— Я всё понимаю, Тась. Но, пожалуйста... сделай, как прошу. Приди домой до заката.

Настойчиво ответила бабушка.

— Ладно-ладно, бабуль!

Я на ходу чмокнула её в тёплую, пахнущую выпечкой щёку и быстро вылетела на встречу к друзьям. Издалека увидела ребят, весело резвившихся на залитом солнцем лугу. Они смеялись, бегали друг за другом и собирали ромашки, из которых, наверное, уже собирались плести венки. Пока ребята увлечённо собирали цветы, я незаметно подкралась к ним со спины и как визгну:

— А-а-а!

Те как ошпаренные вскочили и заорали в один голос:

— Тася! Ты что вытворяешь?! Напугала до полусмерти!

Дашка, прижав руку к груди, смотрела на неё возмущённым взглядом.

— Ну вы так скучно и грустно собирали эти ромашки, что я просто решила вас немного подбодрить! — посмеялась я.

Машка, как в старые добрые времена, подошла и с улыбкой взъерошила мне макушку:

— Дурёха ты, Таська!

Тем временем парни достали из рюкзаков бутылки с водой и с размаху начали нас обрызгивать. В воздухе мгновенно воцарился смех, визг и то самое ощущение полной, беззаботной свободы.

— Уф, всё, стойте! Передышка! Я устала... — задыхаясь от смеха, выдохнула я.

— Ха-ха, что, надышалась своим загазованным городским воздухом? — с подначкой ухмыльнулся Толя.

— Ой, да иди ты!

— Не, ну а что? Смотри, никто из нас так не дышит, только ты! — подхватил Мишка и снова брызнул в нас струёй воды.

Веселье прервал звонкий, но резко изменившийся голос Даши:

— Ребят... солнце почти село. Надо по домам расходиться.

Смех тут же оборвался. Ребята мгновенно изменились в лице и начали торопливо собирать вещи в рюкзаки.

— Ребят, да что не так-то? Почему все твердят про этот заход солнца? Мне бабушка перед выходом буквально то же самое сказала!

Все резко замолчали, переглядываясь между собой. На луг нависла тяжёлая тишина.

— Да в чём дело-то?! — уже с явным напряжением в голосе переспросила я.

— Да ни в чём, особых причин нет, — ответил Толя, стараясь не смотреть мне в глаза. — Просто... родители беспокоятся. Уговор у всех такой: до заката солнца все должны быть дома.

— Может, хотя бы заглянем на наше место у речки?

— Нет, Тась, не успеем, — сразу отрезала Даша.

— Да бросьте! Ну что нам предки сделают? Максимум по попе надают и всё!

Ребята снова напряжённо переглянулись. Мишка на секунду задумался и едва заметно кивнул, давая понять, что ненадолго заскочить всё-таки можно.

— Ладно, — сдалась Даша. — Но только быстро!

Мы прибавили шаг и побежали к нашему заветному уголку. Солнце уже почти касалось горизонта, окрашивая небо в алые тона, а с противоположной стороны уже вовсю разгорался бледный диск луны. Минут через десять мы уже были на месте.

— Ребят, а помните, как мы прыгали с тарзанки? — со смехом вспомнила я. — А Толя потом расплакался, потому что ему резко стало страшно прыгать!

Наш дружный хохот эхом разнёсся над засыпающим лесом и речной гладью.

— Да-да! — подхватил Миша. — А помните, как Машка «потерялась», когда пошла за грибами? Хотя на самом деле ей надо было просто голову назад повернуть!

Мы захлёбывались воспоминаниями, наперебой перебивая друг друга и возвращаясь в то лёгкое, беззаботное детство. Но наше веселье снова оборвал тревожный голос Даши:

— Всё, ребят, хватит. Собираемся и уходим. И желательно побыстрее.

Парни и девчонки тут же смолкли и стали торопливо подбирать свои вещи. А я не удержалась и присела на старый плоский валун. В детстве это было моё самое любимое место: огромный камень, выступающий прямо из воды, с которого так удобно было наблюдать за течением...

Я смотрела в тёмную вдаль, снова и снова задаваясь одними и теми же вопросами. Почему родители так скоростижно сбежали отсюда? Почему за столько лет я смогла приехать только сейчас? Мысли крутились в голове одна за другой, не давая покоя. Как вдруг мой взгляд зацепился за гладь воды. Мне мельком показалось, что из-под воды на меня смотрят два огромных, мертвенно-белых глаза. Они не просто отражали уходящее солнце — они будто въедались прямо в душу, гипнотизируя и лишая способности дышать. Я резко вскочила с камня, сердце бешено заколотилось в груди.

— Таська! А ну быстро слезай с камня и бегом сюда! Ты что творишь?! — на эмоциях закричала Маша, выдёргивая меня из оцепенения. Я не смогла вымолвить ни слова, всё ещё находясь в шоке от увиденного в реке. Маша больно схватила меня за руку и на пределе сил потащила прочь от берега, напрямик к деревне. Мы летели без оглядки сквозь густую лесную чащу. Ветки хлестали по лицу, корни путались под ногами, но никто даже не думал останавливаться, пока перед нами не показались силуэты стареньких, но таких уютных и родных избушек. Запыхавшаяся, едва переводившая дыхание Маша резко остановила меня у самого дома и тяжело буркнула:

— Из дома не высовывайся. В окна ночью старайся не смотреть. И в целом... просто ложись спать. Завтра будет день — будет и пища. Всё объясним потом. Она ласково взъерошила мне волосы, улыбнулась и, попрощавшись, побежала к себе домой. На пороге крыльца меня сразу же встретила бабушка:

— Я что тебе говорила?! До захода солнца быть дома! — отчеканила она непривычно грозным тоном. Вообще бабуля была наимилейшим человеком, который и мухи не обидит, но если уж её по-настоящему разозлить — никому не сдобровать.

— Прости, ба, я просто... загулялась.

— Тась, в следующий раз слушайся меня, пожалуйста. Если я сказала быть дома до захода солнца — значит, так нужно!

Я стыдливо опустила взгляд, всё ещё не в силах окончательно прийти в себя после пережитого шока.

— Да поняла я, поняла... Бабуль, я пойду к себе в комнату, очень устала.

— А как же... — только и успела начать бабушка, но я перебила её на полуслове:

— Кушать не буду! — буркнула я и поспешила скрыться к себе в комнату.

Сняв с себя одежду, я устало улеглась на кровать. Тело наконец расслабилось после долгого дня, а веки сами собой начали тяжелеть. Но стоило только опустить голову на прохладную подушку и прикрыть глаза, как перед взором тут же всплывают они. Эти глаза. Безжизненные, пустые, неотрывно смотрящие прямо на меня... Почти всю ночь я не могла сомкнуть глаз. В темноте не покидало удушливое ощущение, будто кто-то стоит совсем рядом — буквально под боком, на расстоянии вытянутой руки. Но стоило мне перебороть страх и взглянуть в тусклый полумрак комнаты, освещаемый лишь бледным лунным светом, как это чувство мгновенно испарялось. «А может, мне просто показалось?» Я вела бесконечный спор сама с собой, пытаюсь найти хоть какое-то логичное объяснение.

— Я ведь весь день провела на солнце, вот голову и припекло. Или я просто перенервничала от избытка впечатлений после возвращения в родные края?.. Но эти глаза... Я же отчётливо помню, как они смотрели на меня из воды! Что это было? Игра воображения? Или же в реке действительно таится некое существо?

«Да бред, — одёргивала я себя, — это всё глупые страшилки на ночь, которыми нас пугали в детстве!»

И всё же...

Глава вторая

Тайна

Открыв глаза, я оглядела светлую маленькую комнату. За окном вовсю задорно пел петух. В комнате витал лёгкий, уютный запах свежесваренного чая с малиной и мятой. Я сладко потянулась всем телом, прогоняя остатки сна.

— Как же приятно просыпаться в такой обстановке... — шепнула сама себе.

Потерев глаза, поднялась с кровати и вышла на кухню, где бабушка уже хлопотала у печи.

— Бабуль, доброе утро!

— Доброе, доброе, внученька. Как спалось? — тепло улыбнулась она, подкладывая на тарелку румяный блин.

— Просто великолепно!

— Заходила к тебе ночью, укрыть одеялом. Ты во сне всё бормотала что-то, ворочалась...

Сон, что ли, плохой снился?

— Да я уже и не помню особо, — отмахнулась я.

— Ну, садись за стол. Как раз нам чайку вкусного заварила.

Ещё толком не проснувшись, я нелепо потянулась и опустилась на деревянный стул. Потихоньку разум приходил в порядок, а вместе с ним возвращались и смутные воспоминания о вчерашнем вечере. Сглотнув, я решила осторожно спросить:

— Ба, слушай... А у вас тут не происходит ничего странного?

Бабушка на секунду замерла с чайником в руках и вопросительно выгнула бровь:

— В каком это плане — странного?

— Ну... — я замялась, понимая, как глупо это звучит, и не стала продолжать прямым текстом.

— Ну, что-то вроде... очень больших комаров? Или каких-то необычных насекомых? — неуверенно и нервно выдавила из себя.

Бабушка облегчённо усмехнулась и качнула головой:

— Ой, да жуки у нас в этом году какие-то здоровые появились! По-моему, из странного — это всё. Весь огород мне, окаянные, пожрали.

Я нервно посмеялась и почесала макушку, чувствуя, как уходит напряжение:

— Ну, понятненько... Бабуль, я, пожалуй, пойду прогуляюсь?

— Конечно, внуча, иди, подыши воздухом, — бабушка вдруг стала серьёзнее и строго посмотрела мне прямо в глаза. — Только главный уговор помнишь? До заката чтобы была дома.

— Да-да, конечно, помню! — быстро ответила и выбежала на крыльцо.

Пока я шла по узкой тропке к дому Маши, в голове круг за кругом прокручивались слова Маши. В окно ночью не смотри... С порога после заката не выходи...

— Да леший вас всех побери! — прошипела в пустоту. — Что вы от меня все скрываете? Я чувствовала себя полной дурой. Такое ощущение, будто абсолютно все вокруг знают какую-то страшную тайну, а я одна хожу в неведении, как слепой котёнок.

Пока вела этот злой монолог с самой собой, даже не заметила, как очутилась у знакомого крыльца. В огороде, пригибаясь к грядкам, копошились Машины родители.

— Здравствуйте, тётя Серафима, дядя Борислав!

Они одновременно разогнулись и радостно мне улыбнулись:

— О, добрый день, Таисия!

— А Маша дома?

— Да у себя в комнате сидит, — дядя Борислав опёрся на лопату, вытирая пот со лба.

— Ты проходи, проходи, девица! Господи, как выросла-то... Я ж тебя совсем малышкой помню. Чего ж так долго не заглядывала к нам?

Я немного замешкалась, переминаясь с ноги на ногу:

— Да город, знаете... Все эти дела: то учёба, то в разъездах постоянно.

Они понимающе переглянулись и синхронно покачали головами.

— Ну, дело молодое. Ты заходи в избу-то, не стой на пороге.

Я поднялась по скрипучим деревянным ступенькам и прошла в дом, безошибочно найдя нужную дверь.

— Привет, Машка!

— Таська! Проходи! — Маша подскочила мне навстречу. — А я тут талисман вяжу.

Пройдя в глубину комнаты, я опустила на застланную пёстрым покрывалом кровать. На коленях у подруги покоилось странное плетение из сухих трав, цветных нитей и мелких косточек.

— Какая красота...

Маша всегда была мастерицей на все руки: то из бересты что-то вырежет, то из трав оберег скрутит. У неё в руках любая вещь будто оживала.

— У меня, кстати, всё ещё хранится тот оберег, что ты мне в последний раз подарила.

Маша довольная расплылась в улыбке и, сев чуть ближе, привычным движением взъерошила мне волосы.

— А этот кому вяжешь? — аккуратно спросила я, разглядывая странные узелки.

— Скоро Великий праздник, — серьёзно ответила Маша, не прерывая своей работы. — Нужно принести подарки. Чтобы задобрить.

— Праздник? — переспросила я, почувствовав, как по спине пробежал лёгкий холодок.

— Какой ещё праздник? Кого нужно задобрить?

Маша отложила шитьё, посмотрела на меня долгим взглядом и серьёзным тоном сказала:

— Садись поудобнее. Сейчас я тебе всё расскажу... Тебе нужно это знать! Ты только это... не пугайся, ладно? Постарайся это уложить в голове, что я скажу. Вообще... У нас каждый год вся деревня собирается на один праздник, — тихо начала Маша, аккуратно затягивая очередной узелок. — Называется Духов день. Он начинается в начале лета. К нему все готовятся заранее: каждый дом обязательно что-то мастерит. Кто-то вышивает узоры на льне, кто-то режет по дереву, а кулинары напекают горы угощений.

— И что потом с этим делают?

— А днём все идут к речке в глушь леса или на гору. На ветки деревьев подвешивают цветные ленты, сушёные травы, вязанные талисманы... Люди просят высшие силы, чтобы те не трогали деревню и не беспокоили народ. Показывают, что пришли с миром и дарами.

Маша замолчала на секунду, разглядывая свою работу, а потом продолжила:

— А уже к вечеру, перед самым заходом солнца, все сходятся на площади в центре деревни и устраивают шумный пир. Но как только последний луч солнца скроется за деревьями — всё. Праздник окончен. Все разбегаются по домам и запираются на все засовы.

Не выдержав рассмеялась:

— Ха-ха! Машка, ну и ты туда же? Ты что, и вправду веришь во все эти сказки?

— Я не просто верю, Тась, — Маша подняла на меня абсолютно спокойные, серьёзные глаза. — Я их видела.

— Ха-ха-ха! — буквально залилась смехом, держась за живот.

Я была уверена, что подруга просто решила меня разыграть и нагнать жути. Но Маша даже не улыбнулась. Она сидела неподвижно и молча ждала, пока у меня пройдёт этот приступ хохота. Стерев выступившую слезу и переведя дыхание, я снова вернулась к разговору, всё ещё с усмешкой на губах:

— Да ну тебя! И кого же ты, интересно, видела?

Маша подалась чуть вперёд и произнесла почти шёпотом, от которого у меня внутри всё похолодело:

— Духов. Русалок на старой пристани. Лешего у оврага... И ещё много всякой нечисти, у которой даже имён нет.

— Если не веришь мне — у ребят спроси, — тихо, но твёрдо добавила Маша. — Вся деревня об этом знает. И все их боятся. Потому что по ночам они выходят на охоту и убивают каждого, кто попадётся на глаза. Русалки заманивают к воде и затягивают в омут — оттуда ещё никто не возвращался. Лешие уводят глубоко в чащу, путая тропы, откуда не выбраться. А ещё твари... зверьё, что в три раза больше обычных волков и медведей. Они просто разрывают людей в клочья. Маша на секунду запнулась и вздохнула:

— Гибнут в основном приезжие, городские... Все те, кто не верит в это и думает, что всё это сказки. Пойдут прогуляться ночью под луной — а там уже всё. Беда.

Маша опустила глаза и снова взялась за свои нити и косточки. Между нами повисла тяжёлая тишина.

И тут меня будто током ударило. словно вспышка в темноте, перед глазами встал вчерашний вечер. Те безжизненные, белые глаза в воде, смотревшие прямо на меня из глубины...

— М-маш... — горло сжало сухим спазмом, голос превратился в хрип.

— Я знаю, знаю, в это тяжело поверить, — перебила она меня с сочувствием. — Нам ведь с измательства твердят про домовых, леших, Бабу-ягу... Столько мультиков сняли, столько книжек написано! Конечно, всё это кажется глупыми выдумками. Но нет, Тась. Они существуют. И они куда страшнее, уродливее и могущественнее, чем рисуют в сказках.

— Я... я, кажется, тебе верю! — Помнишь, когда мы были у реки перед самым заходом солнца? Я... я увидела в воде глаза. Стекланные такие, нечеловеческие. Но тогда решила, что просто перегрелась на солнце! Или что мне мерещится всякое от усталости... Но как? Как такое вообще может быть?! Это же бред! Нас же учили, что их не существует!

— Тише, тише ты, не кричи, — Маша отложила оберег и мягко положила свои холодные пальцы на мою дрожащую руку.

— Знаю, что это шок. Но так живёт вся наша деревня. И кто знает... кто знает, в каких ещё глухих деревнях по всей стране живут точно такие же тайные «соседи».

Я ничего не стала объяснять Маше. Наплевав на всё, сорвалась с места и выскочила из дома, почти не помня себя.

Ноги сами несли меня к бабушкиной избе. Я бежала из последних сил, спотыкаясь о мелкий щебень, раздирая до крови пальцы на ногах. Слёзы застилали глаза — я рыдала то ли от дикого страха перед тем, что узнала, то ли от досады, ведь это место всегда казалось мне тихим и безопасным. А больше всего, наверное, — от осознания того, что именно видела в тот вечер на реке. Всё перемешалось внутри в какой-то кошмарный ком.

— Бабушка! Ба-а! — мой дрожащий, сорванный на крик голос раскатился по всей улице. Забежав в дом, я поняла, что бабушки нет ни в одной из комнат. Растерянно огляделась, надеясь, что она вот-вот выйдет мне навстречу. Паника накрыла с головой.

— Бабуля! — снова вскрикнула я, едва не задохаясь.

Вдруг с улицы донёсся глухой отклик. Бабушка копошилась на грядках в огороде. Выскочив на задний двор.

— Господи, дитя моё! Что стряслось-то? Чего всю деревню на уши подняла? — обеспокоенно всплеснула руками она, вытирая испачканные в земле ладони о фартук.

— Бабушка! — прижимая руки к пылающей груди.

— Внученька, ну я хоть и плохо вижу, но пока не глухая! Чего кричишь-то так?

— Все те сказки, что ты читала мне в детстве... это всё правда?!

Бабушка на мгновение замерла, а потом мягко, чуть растерянно посмеялась:

— Ну конечно же нет, глупенькая! Как может быть правдой, что плюшевые мишки оживают? Да что с тобой приключилось-то, на ком лица нет?

Бабушка на мгновение замерла, а потом мягко, чуть растерянно посмеялась:

— Ну конечно же нет, глупенькая! Как может быть правдой, что плюшевые мишки оживают? Да что с тобой приключилось-то, на ком лица нет?

Она даже не поняла, к чему я веду. В её представлении я всё ещё была маленькой девочкой.

— Да нет, бабуль! Не в совсем младенческом! Постарше! — я захлёбывалась слезами, сжимая кулаки. — Я помню... помню, как в детстве за печкой постоянно что-то шуршало и вздыхало! А ты сказала, что это домовый сердится! И все эти русалки... и глаза в воде вчера! Я видела их, бабушка! Видела!

Я смотрела на неё, дрожа всем телом и умоляя взглядом сказать, что просто сошла с ума.

Но бабушка не засмеялась. На её лице медленно угасла последняя улыбка. Она мгновенно побледнела, словно из неё выкачали всю кровь, и бессильно опустила руки. Тяжёлая тишина зависла над огородом. Бабушка закрыла глаза, глубоко вздохнула и долго не могла начать говорить, словно соскребала со дна души последние силы, чтобы признаться. Бабушка подняла уставший взгляд на меня:

— Узнала... — шёпотом сказала она.

— Да, милая, здесь и вправду живут такие «гости».

— Подожди, а почему мне сразу никто ничего не рассказал? Никто из вас! — Я с обидой и недовольством посмотрела на бабушку.

— Милая, ну скажи, пожалуйста, как бы мы тебе это объявили? Мы сами, живя здесь много лет, поверить не могли, не то что осознать.

— Подожди... Но почему нельзя просто оставить дом? Продать его, я не знаю, уехать отсюда, чтобы жить спокойно и не видеть всякой нечисти?

— Ну... — бабушка замешкалась, переводя взгляд на окно. — Знаешь, кто-то слишком привязан к этому месту и не хочет никуда уезжать. Да и к нечисти мы уже привыкли. Главное — осторожность, и она тебя не тронет. Правда... есть одно «но».

Я изогнула бровку, посмотрев на неё с немимым вопросом: какое ещё «но»?

— В последнее время нечисть окаянная будто с ума сошла. Кто-то уже и днём по лесу бродит. Народ в деревне очень беспокоится.

— И что? Что вообще делать, когда они так бушуют?

— Ох, внученька, мы и сами не знаем. Такого раньше не случалось... — Бабушка задумчиво посмотрела на меня, а потом её глаза округлились.

— Хотя... Внуча, было! Было один раз!

— И когда же?

— Когда ты с родителями уезжала. Они тогда словно сумасшедшие бушевали, из лесу слышались крики нечеловеческие! Да и вода в реке бурлила так, будто там под дном стоял огромный котёл.

— Бабушка, подожди... Значит...

— Да, внуча. Так и есть.

— Поэтому мои родители уехали? Чтобы меня сберечь?

— Да. И поэтому тебя сюду больше не пускали.

— Но как же... Постой, а почему я тогда приехала сейчас? Тем более что родители сами предложили мне съездить в деревню?!

— Этого, внученька, я не знаю. Они молчат как партизаны, так толком мне ничего и не сказали. Но предупредили, что дело срочное...

От всей этой информации у меня гудела голова. Не верилось, что все эти детские сказки существуют на самом деле.

Чтобы хоть немного прийти в себя, я решила пойти на то самое место у реки, где впервые увидела эти глаза, и убедиться, что всё это правда.

Когда пришла, вода переливалась голубоватым глянцем и сверкала от ярких лучей солнца. В лесу стояла немая, почти зловещая тишина. Я села на камень и стала всматриваться в гладь, надеясь заметить хоть что-то и подтвердить, что это правда. Но в воде виднелось лишь моё собственное искажённое отражение.

— Ничего не понимаю... — и потянулась рукой к воде, чтобы разбить эту слишком гладкую речную гладь. Но не успела коснуться воды, как сзади раздался глубокий мужской голос:

— Таська, ты чего там делаешь одна?

Я вздрогнула, резко выдернула руку из реки, и от испуга чуть не рухнула с камня прямиком в воду!

— Толя! Ну зачем так пугать?!

— Ха-ха, получается, мы квиты! — посмеялся Толька, довольный своей выходкой.

Я перевела дыхание, слезла с камня и уселась на мягкую траву рядом с ним.

— Ну, как тебе вернуться к родным краям, подруга?

— Ох, Толь... Я даже не знаю. Всё перевернулось вверх дном за этот короткий промежуток.

— Что стряслось-то? На тебе лица нет.

— Ты... знал про нечисть?

Толя заметно замешкался. А потом тихо, почти шёпотом пробормотал:

— Узнала-таки...

— Значит, знал?

— Да, Тась, знал. Мы тебе не хотели ничего говорить, потому что это повергло бы тебя в шок! И мы боялись, что ты сразу уедешь...

— Ну отлично! И вправду, все вокруг знали, одна я...

— Прости, — виновато опустил глаза Толя.

Я обиженно посмотрела на него, но долго дуться просто не умела.

— И как вы здесьживаетесь, зная, что происходит вокруг?

Толя задумчиво почесал макушку и тяжело вздохнул.

— Да, если честно, Тась, уже привыкли... По ночам они иногда выходят, тревожат нас, но со временем перестаёшь обращать на это внимание. Днём как-то забывается, что по округе бродит лесная нечисть. А ночью ложишься спать... и стараешься просто не думать о них.

Я ошарашенно смотрела на Толю, всё ещё не в силах до конца осознать услышанное.

— И вам совсем не страшно?

Толя усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья.

— Страшно. Любой шорох за окном заставлял вскакивать с кровати. А потом... привыкаешь.

— К такому вообще можно привыкнуть?

— Когда другого выбора нет — можно. Главное, самому не искать с ними встречи.

— В каком смысле?

Толя на мгновение замолчал, словно размышляя, стоит ли говорить дальше.

— Лес не любит любопытных. Кто идёт туда ради забавы, редко возвращается прежним. Одних находят через несколько дней — молчаливых, с пустым взглядом. Других не находят вовсе.

По моей спине пробежал холодок.

— А если они сами выходят из леса?

Толя перевёл взгляд на тёмную стену деревьев, возвышавшуюся за деревней.

— Тогда лучше запереть двери, закрыть ставни и сделать вид, что никого нет дома. Они любят, когда им отвечают... Особенно если услышишь ночью, как кто-то зовёт тебя по имени.

Я невольно сглотнула.

— И... они правда знают наши имена?

Толя медленно кивнул.

— Это первое, чему здесь учатся дети. Если после заката из леса тебя кто-то позовёт... никогда не отвечай.

Я невольно сглотнула.

— Если после заката из леса тебя кто-то позовёт... никогда не отвечай.

— Почему?

— Потому что, ответив один раз, ты покажешь, что слышишь их.

На несколько секунд повисла тишина. Даже ветер будто стих.

— И что тогда?

Толя перевёл взгляд куда-то вдаль и спокойно сказал:

— Тогда они начинают приходить чаще.

По спине пробежал неприятный холод.

— Кто «они»?

— Все по-разному называют. Кто — лешими, кто — мороками, кто — заблудшими душами. Но бабушка говорит, что настоящих имён лучше не произносить вслух.

— А твоя бабушка их видела?

— Видела... И не раз. И я их видел...

— И что она рассказывала?

Толя тяжело вздохнул.

— Говорила, что нечисть никогда не приходит просто так. Если она показалась человеку — значит, ей что-то нужно. Иногда она предупреждает. Иногда играет и заманивает. А иногда...

Он резко замолчал.

— Иногда что? — тихо спросила я.

Толя поднял на меня глаза.

— Иногда приходит за кем-то.

— Но зачем?

— Этого я не знаю. Главные тут не мы, а они. Хозяева деревни.

Чувствуя, как к горлу подступает ком, я тихо спросила:

— Почему народ просто не уедет отсюда? Чтобы не случилось ничего страшного.

Толя долго молчал, а потом посмотрел куда-то мне за спину.

— Знаешь, Тась... мы прикованы к этой деревне.

— В смысле?

— В прямом. Уехать отсюда можно. Только вот вернуться обратно ты всё равно придёшь.

— Почему?

Толя нервно усмехнулся.

— Потому что деревня не отпускает своих.

Толя поднял на меня глаза. В них было что-то такое, от чего пробрало до костей.

— Потому что когда-то наши предки попросили их о помощи.

— Кого?

Он не ответил сразу.

— Хозяев.

Я нервно усмехнулась.

— Ты сейчас серьёзно?

— Хотел бы я, чтобы нет.

Толя посмотрел в сторону леса.

— Они дали деревне всё, чего люди просили. Землю. Урожай. Защиту. Даже жизнь тем, кто должен был умереть.

— А взамен?

— Взамен они попросили только одно.

Он снова посмотрел на меня.

— Чтобы никто из нас никогда не покидал эту землю. И заключили древний договор.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Но я же уехала. И мои родители тоже.

— Да, Тась.

Толя сжал губы.

— Только ты вернулась. Бабушка рассказывала, что когда-то, много поколений назад, деревня пережила страшную зиму. Люди умирали от голода, болезни, холода — деревня практически вымерла. Тогда несколько старейшин пошли в лес и попросили спасти их. Нечисть согласилась. Но цена была странной: «Ваша жизнь — за эту землю. Пока вы живёте здесь, деревня будет жить вместе с вами».

Сначала люди решили, что речь просто о том, чтобы никогда не забывать свой дом. Но потом выяснилось настоящее условие: ни один человек, родившийся в деревне, не может окончательно покинуть её. Причём неважно, насколько далеко он уедет.

От этих слов у меня сжалось сердце. Толя осторожно продолжил:

— Если человек не возвращается добровольно, они забирают что-то взамен.

Я стояла в оцепенении, не сумев подобрать слова, но дрожащим голосом спросила:

— Это значит, я не смогу больше уехать отсюда?

— Уехать можно, Тась. Но уйти — нет.

— Это как?

— Сначала ничего не происходит. Ты живёшь своей жизнью, заводишь друзей, работу, семью. Думаешь, что всё закончилось. А потом начинаешь забывать. Люди возвращаются сюда другими, — тихо сказал Толя. — Кто-то безумным, полностью потерявшим рассудок. Кто-то забывает свою прошлую жизнь. Не помнит ни дома, ни близких, ни того, кем был раньше.

— А самое страшное знаешь что?

Я медленно покачала головой.

— Иногда они помнят всё. Только уже не хотят говорить о том, что видели там, за пределами деревни.

— Но мы же уехали, и с нами всё было хорошо. Никто не потерял рассудок, никто ничего не забыл.

Я невольно засомневалась. Всё это звучало слишком сказочно. Хозяйева, договор, деревня, которая не отпускает людей... Будто мне рассказывали старую страшилку у костра, а не говорили о моей собственной жизни.

Толя тяжело вздохнул.

— Вот это нас и настораживает...

Где-то на окраине громко залаяла собака, а спустя мгновение все остальные дворовые псы дружно подхватили лай.

— Пошли к моему отцу сходим, — сказал Толя.

Я кивнула, и мы побежали к поляне, где с раннего утра до самого вечера фермеры копались, вспахивая поля.

Мы бежали между деревьев. Мы выбежали на открытую поляну, вдали показались фермеры. Они, как обычно, что-то вскапывали на своих участках. Одним из них был папа Толи — дядя Кузьма. Мы с Толей переглянулись и без задней мысли рванули к ним наперегонки. Но как же сильно мы ошиблись, подумав, что они просто вскапывают грядки...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.